

Время от времени наша суровая земля рождает удивительных детей. Скрипачка **Татьяна Гринденко**, лауреат конкурса Чайковского, вдохновенна и непредсказуема. Одна из красивейших женщин Москвы. Восемь лет солировала в рок-группе "Бумеранг". Помимо классики, записала пластинку рэг-таймов. Десять лет была регентом церковного хора. Ныне возглавляет созданный ею ансамбль "Академия старинной музыки". Блестящая солистка — участница и "Декабрьских вечеров" (их дуэт с Гидоном Кремером надо слышать!), и фестивалей старинной музыки, и авангардной "Альтернативы".

Татьяна ГРИНДЕНКО:

Умный учится у любого, а дурак ни у кого

— Я считаю себя очень счастливым человеком: всю жизнь делала только то, что хочется мне. И карьерные вопросы меня почти не занимали. Тут, конечно, колоссальную роль играла политическая ситуация в стране: мне карьеру никак было не сделать. И слава Богу. Я смогла стать человеком без каких-то больших искушений, которые бывают у исполнителей в самое золотое время — от двадцати до тридцати лет, когда все они были "заперты" в России.

— Брежневские времена кто же из музыкантов не помнит! Писали друг на друга анонимки, за час до вылета выяснялось, что нет ни визы, ни паспортов, лишали возможности участвовать в престижных международных конкурсах... У вас, значит, был философский подход: что ни делается — все к лучшему... А на какие же жизненные моменты реагировала в то время Татьяна Гринденко?

— Острее всего — на обман. Всегда. Самое страшное, когда человеку веришь, а он обманывает. И дело, как я сейчас уже понимаю, не столько в моей доверчивости, сколько просто в глупости. Ведь даже себе до конца верить трудно — человек и себя-то самого до конца не знает. Все можно понять только в испытаниях.

— Вы уже тридцать лет очень известная скрипачка. Кто оказал на вас самое большое влияние?

— В основном это люди, не имеющие отношения к классической музыке. А главный мой учитель в музыке — Юрий Исаевич Янкелевич. Не меньшим подарком судьбы было для меня и общение с Давидом Федоровичем Ойстрахом. С ним я, например, могла обсуждать какие-то вопросы, связанные с психическими тонкостями исполнительства, — не каждый, знаете ли, музыкант способен этим делиться.

— А если взять музыку менее академичную?

— Тут главное имя для меня — Элла Фитцджеральд, я у нее многому научилась.

— Вы увлекались джазом?

— Нет, не джазом, скорее конкретными музыкантами. В свое время я отдала дань рок-музыке, например, группам "Пинк Флойд", "Тэнджерин Дрим", "Кинг Кримсон". А музыкально-академических связей у меня не было никогда, я скорее уходила от них.

— Вы склонны подпитываться энергией или щедро раздаете свою?

— Мне кажется, вообще нет людей, которые бы только подпитывались или только давали бы энергию. Есть такой духовный, что ли, закон: человек, который ничего не отдает, ничего и не получает. И наоборот.

— Вы всегда чувствовали себя в жизни лидером?

— Я не знаю, почему меня считают записным лидером. Наоборот, я всю жизнь чему-нибудь учусь, практически постоянно чувствую себя ученицей. А то, что я руковожу ансамблем, скорее стечение обстоятельств. Лидер — человек властный. А я не знаю, кто кому дает боль-

ше, я ансамблю или ансамбль мне. Вообще умный будет учиться у любого, а дурак ни у кого. Вы не согласны?

— Похоже на правду. А как сложилось, что ваша жизнь идет по двум вроде бы противоположным векторам: музыки старинной и музыки остросовременной? Без середины. Вот я, например, еще со времен вашей победы на конкурсе Чайковского считала вас типично романтическим человеком.

— Ну, романтические натуры бывают во все века, и сейчас тоже. Между прочим, авангардная музыка без романтического подхода абсолютно немыслима. Ведь романтический человек — это тот, кто все понимает и принимает глубоко. И в этом плане, мне кажется, авангардная музыка и старинная наиболее соответствуют человеческим, что ли, возможностям романтика. Так называемая романтическая музыка сильна своей литературной стороной. А старинная (барочная, добарочная) и авангард — они-то ничего такого не воспевают. То есть, если романтизм воспекает, например, любовь, то музыка Баха — сама любовь и есть.

— Тогда в какой же степени играть старинную и авангардную музыку — это самовыражение?

— Я плохо понимаю, что значит это слово. Если человек полон мыслей, эмоций и т.д., он постоянно самовыражается и в жизни, и в музыке, и в семье, и на работе... А если за душой ничего нет — ему все равно, что играть. Более того, ему все равно, играть или не играть!

— Но я помню вас на конкурсе Чайковского — всю вашу романтическую тонкость, робость. И вдруг в 70-е вы заблистали в авангарде. Это было потрясение, честное слово.

— Очень рада, что кого-то могу потрясти.

— У меня в голове никак не укладывалось: как это может сочетаться, уживаться в одном человеке?

— Тем не менее музыка XX века для меня совершенно естественна. Минималистское направление. Или совсем острое — Ксенакис, Кейдж, Штокхаузен. А что тут странного? Я же живу в этой эпохе, а не в романтические времена.

— Вы создали ансамбль "Академия старинной музыки". Легко и быстро? Или тяжело? Или пришли в готовый коллектив единомышленников?

— Люди подбирались постепенно и с большими сложностями. Все начиналось еще в брежневские времена, когда это было немножко проще. Теперь создать такой ансамбль было бы практически невозможно.

— Почему? Сейчас многие музыканты ищут работу...

— Ищут легкого заработка — это да. Отсидеть четыре часа на репетиции и получить хорошие деньги. А наша "Академия" переживает разные минуты — то большие деньги, а то безденежье. В общем-то здесь собрались энтузиасты. Глупо и бездарно было бы отказываться от достигнутого уровня ради больших денег в другом оркестре.

— Ансамбль уникален не только в масштабах России. Вы ведь играете в так называемой аутентичной, то есть подлинной манере, соответствующей исполнительским традициям XVII—XVIII веков. Насколько вы убеждены в точности этого соответствия?

— Во-первых, никакой моей заслуги в открытии этой манеры нет. Аутентика как направление возникла лет 35 назад на Западе. В борьбе с академическим мышлением. Оно — самое страшное, что может быть...

— ?

— Представляете, вы получаете консерваторское образование, которое на сто процентов не соответствует пониманию того, как и что надо исполнять. Буквально: написано одно, а тебя учат играть другое! На Западе даже появились курсы, где учат играть, как бы это условно сказать... правильно. Когда я впервые услышала "Страсти по Матфею" Баха в записи ансамбля Хорнокурта (он теперь в аутентичной музыке, как Караян в симфонической), я по-

ном заведении, как Московская консерватория. И нужно быть очень уверенным в том, что ты выбрал верный путь.

— Есть "Школа игры на скрипке", написанная отцом Моцарта Леопольдом. Она издана у нас по-русски в 1903 году. Там содержатся вполне определенные правила, описаны технические приемы, совершенно неведомые академическому скрипачу или виолончелисту.

— А мы-то привыкли считать, что уж в консерваториях-то осваивают весь арсенал, выработанный человечеством!

— Отнюдь. Ну например, как консерваторец сыграет белую, то есть длинную ноту? Ее просто нужно тянуть. С очень таким задумчивым видом. С умным, так сказать. А, по Леопольду Моцарту, может быть 32 варианта исполнения! Получается, что играть "дословно" то, что написано в старинных нотах, вообще нельзя!

— Не говоря уже о том, что просто нельзя играть все одинаково, общим, так сказать, порядком!

— Конечно, каждая музыка имеет свою аутентичность. Я помню, мы в свое время очень много играли с Гидоном Кремером Концерто Гроссо Альфреда Шнитке. И вот попали в Венгрии в такую ситуацию. Работавший с нами там очень известный оркестр совершенно не мог взять в толк, как можно играть некрасивым звуком. Они никак не понимали, что у Шнитке именно этот некрасивый звук и есть смысл всего! Так неужели вы думаете, что оркестр, неспособный на аутентичность Шнитке, способен на подлинного Шумана или Мендельсона? Конечно, нет! Они все играют, как вы сказали, общим порядком.

— И чем кончилось дело с Концертом Шнитке?

— Более ужасного исполнения невозможно себе представить.

— Вообще сочинения Шнитке вы с Гидоном играете потрясающе. Это ваш композитор?

— Сейчас мою жизнь определяет не его музыка. Но, беря любое произведение, надо на сто процентов его любить. Играя Альфреда, я делаюсь в общем как бы Альфредом. А не любить себя невозможно...

— Это уже какое-то перевоплощение.

— А я не понимаю музыкантов, которые зарабатывают деньги так называемым чёсом, играя по три-четыре концерта в день. Я бы тогда к вечеру буквально умерла.

— Извините за нескромный вопрос, сколько музыкант вашего ансамбля получает за концерт?

— Представьте себе, пятьдесят тысяч. Это официально. Поэтому мы пытаемся играть еще за неофициальные деньги, но это бывает редко и не в России. Кроме того, неподалеку от Милана есть место, где у нас бывали фестивали — там мы играем и старинную музыку, и авангард.

— Татьяна Тихоновна, а если не с музыкой, с чем бы вы связали свою жизнь?

— Дел у меня очень много, занимаюсь я далеко не только музыкой, но это уже мои маленькие секреты.

— Ну скажите. А мы никому. Кроме как...

— Кроме как в газете? (Смеется). Одно время я очень увлекалась спортом, авторалли — пока это еще не было так фантастически дорого. Любила гонять на машинах. Но сейчас нужны другие моторы, другие автомобили, все это стоит миллионы...

— Какая же вы независимая женщина! И это при таких-то мужьях! Первый — знаменитый скрипач Гидон Кремер. Второй — знаменитый композитор Владимир Мартынов... Как вам удалось не стать их заложницей?

— Я, наверное, плохая жена, а Володя, наверное, плохой муж. И мы существуем параллельно.

— Но вы же играете его музыку?

— Играю в том виде, в каком это приемлемо для меня. Нет, я, конечно, плохая жена композитора! Тем более что на мелкие личные дела у меня просто вообще нет времени.

— Интересно, в какой семье вы воспитывались?

— Папа у меня военный, мама — врач-педиатр. Она нас с братом и образовывала — и мы занимались дома с частными педагогами древнегреческой литературой, китайским языком... В общем, такой антишкольной программой.

— И последний вопрос, вот-вот в Москве начнется очередной фестиваль авангардной музыки "Альтернатива". "Академия" будет выступать?

— Мы готовим новое сочинение Мартынова, которое исполним вместе с ансамблем Дмитрия Покровского. Премьера 12 мая, а вот названия пока нет, да и само сочинение еще не закончено...

Беседовала Лариса РОЩИНА.
Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

После победы на Всесоюзном конкурсе в 1969 году портрет студентки Татьяны Гринденко опубликовали на обложке журнала.

няла, что все, чему меня учили — недействительно. И у меня был шок. Я года два вообще не играла.

— Стали учиться играть наново?

— Да. Ни одного сольного концерта не сыграла. Начала с нуля. С ренессансной музыки, с совсем старинных инструментов — виолы, ребека. То, что я умею сегодня, — практически только мое собственное достижение. Моих ушей, глаз, мозга. Потом те музыканты, которые ко мне пришли, постепенно освоили мой опыт. Причем я тут больше практик, чем теоретик.

— Но нужно иметь определенное мужество, чтобы забыть все, чему тебя много лет учили, тем более в таком солид-